

de visu

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 1992 ГОДА

3/4 (15)'94

ПУБЛИКАЦИИ И РЕПУБЛИКАЦИИ

- 3 Михаил Осоргин. Личное мнение
Л.В.Поликовская
- 8 Леонид Андреев. Письма А.А.Кипену
В.Н.Чуваков
- 23 С.Л.Франк. Из писем М.О.Гершензону
М.А.Колеров
- 34 Письма Буниных Струве
Р.М.Янгиров

СТАТЬИ

- 47 *Е.М.Юхименко*
Старообрядческие источники
романа Д.С.Мережковского «Петр и Алексей»
60 *С.Н.Доценко*
Петербургский миф А.М.Ремизова

ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

- 67 *В.А.Черных*
Автобиографическая проза А.С.Пушкина и А.А.Ахматовой
- 69 *А.Л.Дмитренко*
О воспоминаниях С.Е.Нельдихена
- 72 *Е.Д.Гринько*
Письмо В.П.Полонского Л.Д.Троцкому
- 73 *Ж.Шерон*
К судьбе зарубежного архива Е.И.Замятина
- 74 *А.Б.Рогачевский*
Из комментария к «Магдалине. I» Б.Л.Пастернака

БИБЛИОГРАФИЯ

- 77 *А.И.Рейтблат*
Материалы к библиографии русского
дореволюционного детектива
- 82 *В.П.Купченко*
Литературная Феодосия в 1920 году

РЕЦЕНЗИИ

- 90 Кнорринг И. После всего: Стихи 1920-1942 гг.
Алма-Ата, 1993
С.И.Кормилов
- 92 Eestis ilmunud saksa-, vene- ja muukeelne perioodika.
1675-1940. Tallinn, 1993
С.Г.Исаков

С.Н.ДОЦЕНКО

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МИФ А.М.РЕМИЗОВА

ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ

Ни кремлей, ни чудес, ни святынь...

И. Анненский. Петербург (1910).

Но нам священный град Петра
Невольным памятником будет.

А. Ахматова. Петроград (1919).

А. Ремизов как один из «соавторов» «петербургского текста» (в первую очередь — символистского его «извода») уже привлекал внимание исследователей¹. Но общая черта большинства работ — попытка рассмотреть преимущественно какой-либо один фрагмент ремизовского «петербургского текста»: «сна» «Обезьяны» (1905), повести «Крестовые сестры» (1909-1910), романа «Пруд» (1911), мемуарной книги «Взвихренная Русь» (1917-1923). При этом не учитывается динамика становления ремизовской редакции мифа о Петербурге — соотношение различных трансформаций ремизовской трактовки Петербурга (и всего комплекса идей, тем, мотивов, связанных с «петербургским мифом»). Только в недавней статье М.В. Безродного делается попытка показать различия в осмыслении Петербурга Ремизовым на разных этапах его писательской эволюции². Кроме того, отчетливо заметна тенденция увидеть в ремизовской интерпретации петербургского мифа черты сходства с трактовками других писателей-современников и, соответственно, включить Ремизова в один ряд с писателями, увидевшими в Петербурге «проклятый» город, которому уготована неизбежная гибель апокалиптического масштаба, напророченная, согласно легенде, Евдокией Лопухиной: «Петербургу быть пусто»³. В результате ремизовский вариант петербургского мифа предстает как созвучный — в главных своих чертах — общесимволистской концепции, нашедшей отражение в творчестве Д. Мережковского, З. Гиппиус, И. Коневского, Е. Иванова, М. Волошина, Вяч. Иванова, И. Анненского, А. Белого и др. Такая точка зрения отчасти подтверж-

дается ранним ремизовским обращением к теме — «сном» «Обезьяны» (из цикла «Бедовая доля»), где Медный всадник действительно понят как апокалиптический «всадник, которому имя смерть» (Откр. св. Иоанна Богослова VI, 8)⁴.

Восходящий к славянофилам и почвенникам взгляд на Петербург как «чужой», «нерусский» город, не имеющий корней в русской истории и культуре, поначалу близок и Ремизову, коренному москвичу, не раз подчеркивавшему свое «московское» происхождение⁵. В Петербург Ремизов перебирается 1 февраля 1905 г., после нескольких лет странствий по России (с 1897 г. он жил в Пензе, Усть-Сысольске, Вологде, Херсоне, Одессе, Киеве). Но еще в 1904 г., оказавшись ненадолго в Петербурге, он высказывает свое первое впечатление о городе: «А мне Петербург не нравится, хотя он и лучше других»⁶. Некоторый «антипетербургский» настрой Ремизова не вызывает сомнений. Правда, отношение к Петербургу соседствует одновременно со сложным, неоднозначным отношением к Москве. 26 июня 1904 г. он пишет жене из Киева:

Мечтаю о Петербурге. Там я не буду на «родине», а буду у «чужих», т.е. и сам буду другим. Хожу своим шагом и говорю «каяя» только в Москве. Но и ненавижу я эту Москву, кровно люблю⁷.

Несколько отчужденное восприятие Петербурга своеобразно отразилось в рассказе «Святой вечер» (1905), в котором вненациональная («нерусская») природа Петербурга подчеркнута недвусмысленно: герой рассказа, петербургский чиновник Скороходов, уезжает из Петербурга, чтобы справиться рождественский сочельник с обязательной по традиции кутьей: «Нет, если уж где справлять канун Рождества — Святой вечер, то, само собой, конечно, не в Петербурге»⁸. Предметом размышлений героя становится даже сама возможность появле-

ния деда Корочуна в Петербурге под Рождество: «Ой, что-то очень уж сомнительно, чтобы приятно было старому по Невскому путешествовать или где на Островах сидеть»⁹. Потому и «решил, наконец, Скорыходов <...> уехать вон из Петербурга, чтобы хоть один раз-единственный в своей стесненной жизни, да Святой вечер полюдски отпраздновать»¹⁰. Иными словами, Петербург предстает городом, чуждым русским народным обычаям и традициям, городом, в котором народный христианский праздник полюдски справить невозможно. Эта главная сюжетная коллизия рассказа заставляет вспомнить традиционное противопоставление Петербурга всей остальной России. И в «Крестовых сестрах» (1909-1910) «бунт» чиновника Маракулина против Медного всадника также отсылает к общесимволистской концепции Петра I и Петербурга. При этом, по справедливому замечанию В.Н.Топорова, в маракулинском монологе, обращенном к статуе Петра I, можно почувствовать «глубокий автобиографический подтекст»¹¹. Этот важный для идейной структуры повести эпизод не остался незамеченным и оказался столь памятным для критиков, что Иванов-Разумник и в 1917 г., рассуждая об отношении Ремизова к личности Петра I, продолжал опираться на этот эпизод повести, полагая, что именно здесь-то ключ к истинному пониманию писателем роли Петра в русской истории:

Как ненавидит Ремизов петровскую революцию! Как ненавидит Петра! — хотя чаще всего и таит это <...> И когда теперь, в своем «Слове», говорит он о Медном Всаднике, — прежнее проклятие и отчаяние звучат в новых словах...¹²

Иванов-Разумник в новых словах Ремизова увидел только «прежнее проклятие» — старую идею...

Но еще в начале 1910-х г. в сознании и творчестве Ремизова возникает новая концепция Петербурга. Показателен рассказ «Спасов огонек» (1913), в котором актуализируется и своеобразно решается вопрос *святости* Петербурга. Официальная («апологетическая») точка зрения на Петербург как «святой» город опровергалась вначале старообрядческой, а затем — славянофильской и «почвеннической» публицистикой и литературой. Отрицание «святости» Петербурга стало доминантой литературного сознания начала XX века¹³. В ремизовском рассказе эта точка зрения заявлена в самом начале: «В Петербурге Бога нет!»¹⁴ Что, собственно, и отличает Петербург от Ярославля или Костромы — как считает

безымянная героиня, простая русская женщина:

И как начала она в Петербурге эту временную свою службу, вся согнулась и Бога-то уж и не находит, — там, в Ярославле, где свой домишко был, Бог есть, остался, и в Костроме, где жила она у родственников, тоже есть, а в Петербурге нет!¹⁵

Мысль эта становится предметом авторских рассуждений.

«В Петербурге Бога нет!» — признаюсь, и я так думал, только совсем по-другому. Я книжному гадал: Петербург на болоте стоит, всем известно, в Петербурге туманы, почитай, круглый год, и сам Петербург, что туман, — придет час, нежданый и негаданный, и, как сон, все рассеется, одни болотные кочки останутся, какой уж там Бог! В Москве есть, в Киеве есть, в Ярославле и Костроме есть, а в Петербурге нет, и вместо Бога туман. Неужто только и есть, что туман?¹⁶

Источник «книжного» гадания Ремизова легко угадывается — это роман Достоевского «Подросток», реминисценция из которого очевидна:

Мне сто раз, среди этого тумана, задавалась страшная, но навязчивая греза: «А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизкий город, подымеется с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото <...>»¹⁷.

Утверждение об отсутствии Бога в Петербурге (и, соответственно, об отсутствии в нем «святости») подвергается Ремизовым сомнению:

Стал я доискиваться да докапываться, смотрю, а у нас в Зимнем дворце, в церкви мощи — Ивана Предтечи рука, государю Павлу Петровичу рыцари в дар прислали <...> Как же так, туман, болото, туман, а такая святыня — самого Христа крестила рука!¹⁸

Наличие в Петербурге великой святыни делает тезис о его безбожии более чем спорным. Но примечательней другой аргумент, приводимый Ремизовым в опровержение тезиса о безбожии Петербурга. Для этого писатель обращается к народной, фольклорной традиции восприятия и осмысления образа Петербурга — к традициям духовных стихов:

Стал я прислушиваться и среди народа нашего, того слоя его, и, может быть, самого глубинного, голубиного услышал я совсем другой стих и другая слава о Петербурге шла:

Свет ты наш, преславный Питер-град,
Ты прибежище Христу был вертоград!

Как же так? Народ русский голубиный всеми словами выговаривает, а мы туманы, болото, туманы видим, твердим о запустении, о пропаде нашем, одну гниль разглядели, огоньки болотные!¹⁹

Святость Петербурга утверждается устами «голубинового народа» — калек переходящих, странников-певцов — главных носителей идеи «Святой Руси». В повести «Крестовые сестры» Ремизов назовет их: «Бродячая *Святая Русь*»²⁰. Последний аргумент в пользу святости Петербурга тем более примечателен, что созвучен официальному мифу о Петербурге, сложившемуся в литературе и публицистике XVIII века²¹, т.е. «книжному» мифу. И наоборот, мотив «запустения», «пропада» Петербурга, генетически восходя к устной городской легенде (пророчеству Евдокии Лопухиной), становится главным и непререкаемым атрибутом «книжного», «литературного», «интеллигентского» мифа XIX — начала XX веков (от Гоголя и Достоевского до Мережковского и Белого). В рассказе Ремизова мы видим перераспределение мифологических констант: народный миф, ассимилированный литературой, к началу XX века воспринимается как порождение русской интеллектуальной традиции, а собственно «книжный» (плод интеллектуальных усилий идеологов петровских реформ) уходит в толщу народного сознания и творчества, чтобы актуализироваться в традиции духовного стиха — стать авторитетным выражением народной идеологии. Но все-таки главным доводом в пользу святости Петербурга у Ремизова оказывается описание всенощной в Великий четверг в Казанском соборе, после которой народ «тихо, степенно шел <...> разносил по домам спасов святой огонек»²². Этот эпизод наполняется символическим смыслом — как свидетельство того, что и Петербург — *святое место*:

Россия горит! Там по простору звездному над просторной русской землей огненной Волгой протекло уж шумящее грозное зарево, Россия горит! Спасов страстной огонек сохранит ее, не погибнет русский народ <...> И пусть мы разбиты, пусть мы потеряны, спасов страстной огонек сохранит душу и родимое имя России²³.

Примечательно, что Петербург не только не противопоставлен остальной России (Святой Руси), но является ее частью в той же мере, что и другие города, воплощающие национальную историю и отмеченные особой святостью в культурном сознании (Москва, Киев, Ярославль и др.). Об этом же свидетельствует символический образ, который находим в «Огненной России» (1917):

Распростертый крестом, брошен лежал я на великом поле во тьме кромешной, на земле родной. Тело мое было огромно, грузно, неподвижно; руки мои — как от Москвы до Петербурга. <...> И были ноги мои, как от гремучей Онеги до тихого Дона²⁴.

В ремизовской поэтической «топографии» русской земли отмечены основные географические ориентиры: Москва — Восток, Петербург — Запад, Онега — Север, Дон — Юг. Характерно, что и здесь Петербург оказывается значимой точкой национального топоса. А в определенном смысле Петербург есть само средоточие святости, ибо в нем есть и великие святые (Ксения Петербургская, Иоанн Кронштадтский²⁵), и великие святые — есть вера в Святую Русь. А значит, есть и Бог. Именно изначальная святость Петербурга делает особенно значимым сам факт переименования его в *Петроград*. Что в контексте ремизовской концепции означает утрату святости, профанацию святого имени города. Тема эта появляется в рассказе «Китаец» (1916), в котором речь вновь заходит о «святости» и «благочестии» города, но теперь уже — Петрограда:

Я жаловался на наши порядки — кому же, как не Москве, матери городов, и пожаловаться на *Петроград!* — нынешнюю Пасху мне не пришлось постоять на Пасхальной вечерне: собрался я нарочно загодя, торопился и около трех был уж в церкви и два часа ждал — на колокольне без толку звонили! — да так и ушел и не один, нас ушло немало. Оказывается, батюшки-то ло приходу *стреляли*.

— Да что говорить, «Христос воскрес», как следует, не умеют пропеть!²⁶

Причина оскудения благочестия кроется в факте переименования города:

...из города *святого Петра* — петухом-Петроградом сделали. Вот почему отступили силы небесные, и загнездилась на вышках твоих черная сила²⁷.

Святость оставила город, и наглядным примером этого, толкуемым Ремизовым обобщенно-символически, становится эпизод, когда в Петрограде, на Невском, солдаты-новобранцы затянули песню: «Сорок девок, один я...» Этот нелепый и безобразный эпизод наталкивает автора на горестные раздумья:

Я вспомнил в несчастиях наших, я всякий раз вспоминаю, когда на голову измученной, бесталанной родины нашей недоля, словно в насмешку над святостью нашей, над Кремлем московским, над распевом знаменным и над всем, чем жива душа русская, валит беду за бедой — предательства, измена, происки, погромы, хищение, Господи, с великого-то ума чего-чего только ни натворили мы за это страшное время, — ведь стыдно в глаза посмотреть! Или это допеваает свою песенку *Петроград?*²⁸

В Петрограде вместо древнего *знаменного распева* осталась одна похабная *песенка*, и поэтому ремизовский фразеологизм («допеваает свою песенку Петроград») надо понимать и буквально и в переносном смысле:

святой град выродился в Петроград, и время последнего уже сочтено. Но сомнение в окончательном «пропаде» города не оставляет Ремизова: есть еще и в Петрограде, «петинной деревне», остатки святости:

Нет, — говорю, — у нас тоже... у нас, у Спаса Колтовского лежит иеросхимонах Иоанн, уставщик Валаамовский, основатель Саровской пустыни, замучен Бироном, и цепи его в церкви хранятся в притворе ²⁹.

Вера в петербургские святые, коими спасается город во время революционной смуты, — главная тема рассказа «Рука Крестителя» (1917) — рассказа о чуде, произведенном святыней, хранившейся в Зимнем дворце ³⁰. Утрата Петроградом святости мыслится как состояние временное, преходящее, должное в будущем смениться иным состоянием. В этой ситуации знаменитый памятник Петру I приобретает новый идейный смысл. Для Ремизова он становится образом, в котором воплощено историческое единство Москвы и Петербурга, России «московской» и «петербургской», святости старой и новой. Мысль о единственности двух столиц отчетливо звучит в книге «Взвихренная Русь» (глава «Красный звон»), в ремизовском обращении к городу:

Город святого Петра — Санктпетербург!
 Полюбил я дворцы твои и площади,
 Тракты, линии, острова, каналы, мосты,
 твою суровую полноводную Неву
 и одинокий заветный памятник
 огненной скорби —
 Достоевского <...>
 Полюбил я страстные огни —
 огоньки четверговые
 на Казанской площади
 и в стальные крещенские ночи
 медный гул колокольный
 Медного всадника ³¹.

Таким образом Ремизов обозначает коренное родство Москвы и Петербурга, снимая историческую антиномию, заданную в момент основания новой столицы. В качестве мотива, нейтрализующего оппозицию Москва — Петербург, выступает мотив: «медный гул колокольный Медного всадника». Образ тем более неожиданный и парадоксальный, ибо звон колоколов («красный звон») был для Ремизова прежде всего символом Москвы:

Москва красна Пасхой! Полуночный звон — сама чернота безлунной ночи клубится в светлую ночь не облаками, а колокольным гулом, и искрою прорезав чугунный гул, серебро колоколов, кладя небесные грани и теша потесы, летяса ³².

Тот же мотив — в книге «Взвихренная Русь»:

Широка раздольная Русь, вижу твой краснозвонный Кремль, твой белоснежный <...> златокровельный собор Благовещенья, а не вестит мне

серебряный ясак, не звонит красный звон (курсив мой. — С.Д.) ³³

Не только Москва, но и вся Россия ассоциировалась у Ремизова с «церковью и древним собором, с колоколами, с знаменитым распевом, с красной Пасхой, с песней, со словом» ³⁴. Герою «Пятой язвы» следователю Боброву Россия видится именно таковой:

А перед глазами его из глубы веков вставала строящаяся Россия, когда клались соборы, срубались церкви, ставились колокола. <...> И чем крепче церковь, чем выше храм, чем больше звонит колоколов, тем сильнее город, смелее речь — русская речь ³⁵.

Как Москва немислима без «красного звона» колоколов, так и Петербург немислим без Медного всадника, без его «медного гула». И одно звучит в другом. Трагическое разделение России на «московскую» и «петербургскую» («петровскую») оказывается при ближайшем рассмотрении внешним, мнимым, кажущимся. Единство двух столиц демонстративно подчеркнуто в названии главы, в которой Ремизов признается в любви к Петербургу: «Красный звон».

Существенно и другое — автобиографический подтекст ремизовского мифа о Петербурге как главный принцип его «историсофской» концепции. Ремизов становится не только одним из продолжателей («соавторов») петербургского мифа, но и его действующим лицом, в судьбе которого фокусируется проблематика и Петербурга, и всей России. В «Автобиографии», написанной в 1913 г. и посвященной главным образом предкам, писатель вспоминает два «родительских завета». Первый завет принадлежал отцу:

В духовной своей, — пишет Ремизов, — завещал отец на колокол в село на свою родину (Веневский уезд Тульской губернии. — С.Д.), и такой наказал колокол отлить гулкий и звонкий: как ударят на селе ко всенощной, чтобы до Москвы хватило за Москва-реку до самых Толмачей. Этот колокол заветный, невылитый, волшебный, благовестными звонами в вечерний час гулко-колко катящийся с дедовских просторных полей по России, — это первый мне родительский завет ³⁶.

Второй «родительский завет» — «найденский», данный Н.А.Найденным:

Нрава «задорного» <...> с огромными знаниями не только в чисто экономических и юридических науках, но и по истории и археологии и с большим творческим полетом, весь одаренный, непохожий ни на кого, превратил он свою жизнь, свои дни в какую-то бесменную работу, без передышки, без праздников, без прогулов для крепкой и деятельной, крепко выкованной, гордой России. Отказавшись при жизни от высокой привилегии — от дворянства, наказал он похо-

ронить себя, как простого человека, последнего рабочего, и этой последней волей своей завершил дело своей жизни. Рабочая — нешалопающая, трудовая Россия ради России умной, крепкой и гордой — русской России, это мне второй родительский завет ³⁷.

В Н.А.Найденове, промышленнике и реформаторе, Ремизов увидел «петровское» начало, и не случайно сравнил его с другим деятельным реформатором, преобразователем и строителем «умной, крепкой и гордой» России — Петром I:

Деятельность его (Н.А.Найденова. — С.Д.) в торгово-промышленном мире <...> поистине была *петровская* ³⁸.

Работая над третьей редакцией своего романа «Пруд» (1911), Ремизов образ промышленника Арсения Огорельшева списал именно со своего дяди, Н.А.Найденова, подчеркнув те черты его характера, которые роднили последнего с Петром I ³⁹. Стоит заметить, что хронологически это совпадает с началом нового осмысления Ремизовым личности Петра и его роли в истории России. В конечном счете Петр из фигуры демонической, из страшного и злого «гения» города и всей России превращается в труженика, неутомимого строителя — *созидателя* новой России. Сама по себе эта тема не нова, но знаменует поворот ремизовской мысли в сторону реабилитации образа основателя Петербурга. Как строитель новой России предстает Петр I в главе «Петербург. Петрова память» книги «Взвихренная Русь»:

Сквозь туман петербургский видится — валят леса, крутят мельницы — взгорыхнуло! — неугомная — новая Россия ⁴⁰.

Даже в незначительной, казалось бы, фразе «сквозь туман петербургский видится...» должно заметить полемический выпад против тех, кто в Петербурге увидел лишь *туман* (как в свое время и сам Ремизов — см. выше о рассказе «Спасов огонек») и не разглядел титаническую «строительную» работу Петра и его сподвижников:

Петровские мастера — люди такой страсти, отчасти и зараженные или, вернее, замороженные Петром, его необычайным упором и кипью работы: страсть к работе заразительна, как и противоположность ее — праздная тля ⁴¹.

Собственно, в главе «Петербург. Петрова память» речь и идет главным образом не о Петре, а о малоизвестных или вовсе неизвестных мастерах — строителях Петербурга. Этот аспект ремизовской концепции также имеет скрытый полемический смысл: Петр вовсе не одинок в своей реформаторской деятельности и вовсе не противостоит

остальной России своей индивидуальной и деспотичной волей ⁴² к ее переустройству, а, наоборот, олицетворяет внутренние возможности и стремления русского народа — таившееся в нем созидательное начало. К «петровской» породе людей принадлежит и герой «Пруда» Арсений Огорельшев, и его прототип — Н.А.Найденов. Для Ремизова два завета родительских символизируют два начала: собственно русское, «московское», и — «европейское», «петербургское» («петровское»). А сам Ремизов, как продолжатель рода и Ремизовых и Найденовых, воплощает идею единства этих двух начал, двух исторических аспектов России. В нем сливаются, конденсируются элементы двух национальных мифов — о Москве и Петербурге — в виде актуализации «родовой памяти». По-видимому, этим объясняется то таинственное и многозначительное *родство*, которое связывает в повести «Крестовые сестры» императора *Петра Алексеевича* (Медного всадника) и героя — *Петра Алексеевича Маракулина* (прототипом последнего, несомненно, был сам Ремизов) ⁴³. А в 1917 г. в «Слове о гибели русской земли» Ремизов прямо обратится к Медному всаднику: «брат мой безумный». Медный всадник в свете ремизовской концепции становится символом онтологического единства России, олицетворяет неразрывность, органическую связь до-петровской и петровской Руси. Он сам выполняет функцию национальной *святости*, на которой зиждется и которой будет спасен Санкт-Петербург, следовательно, вся Россия — Святая Русь. Именно Медному всаднику, символу Петербурга и петровской России, олицетворявшему, казалось бы, гибель, разорение, крушение Руси, суждено стать символом возрождения новой России:

Брат мой безумный — несчастлив час! — твоя Россия погибла. <...> Русский народ, настанет Светлый день. Слышишь храп коня? Безумный ездок! хочет прыгнуть за море из желтых туманов, — он сокрушил старую Русь, он подымет и новую из пропада ⁴⁴.

Потайной смысл ремизовского обращения к Медному всаднику еще и в том, что он, наследуя и продолжая сохранять историческую память России, остался единственной уцелевшей святостью, ибо московские святости оказались поруганы:

«Приехал из Москвы скопец Иван Дмитриевич, — говорит сосед матрос Микитов, — на Москве украли царь-колокол!» «Украли царь-колокол? — повторяю, и обида жжет. — Когда зазвонит царь-колокол, восстанут живые и мертвые!» Вот тебе и восстанут! <...> Погубили Россию! Последние головки горят. И осталось

русское сердце — сапогом его! — и слово — да черт с этим словом, пиши и говори по-тарабарски! Кара? Нет, это суд Божий. Царь-колокол воры украли!⁴⁵

Воровство московской реликвии — свидетельство разорения и пропада России, наступления конца мира. Ремизов, трагически переживая эпоху войны и революции — эпоху гибели и разрушения России — противопоставляет ей эпоху иную: созидания, «строительства» России, в культурно-исторической перспективе связанную с об-

разом Петра I, о котором в 1919 г. он скажет: «прозорливец, гигант, чудотворец»⁴⁶.

Изучение эволюции ремизовского «мифа о Петербурге» лишний раз свидетельствует о принципиальной «открытости», незавершенности как «петербургского текста» в целом, так и отдельных его фрагментов. Что обуславливает, в свою очередь, принципиальную неоднозначность его возможных интерпретаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Минц З.Г., Безродный М.В., Данилевский А.А. «Петербургский текст» и русский символизм // Ученые записки Тарт. гос. ун-та. 1984. Вып. 664. С.78-92; Данилевский А.А. Функция автобиографизма в III-ей редакции романа А.М.Ремизова «Пруд» // Ученые записки Тарт. гос. ун-та. 1988. Вып. 822. С.139-157; Топоров В.Н. О «Крестовых сестрах» А.М.Ремизова: Поэзия и правда. [Ст. первая] // Ученые записки Тарт. гос. ун-та. 1989. Вып. 857. С.138-158; Тырышкина Е.В. Поэтика романа А.М.Ремизова «Крестовые сестры»: мифологический аспект. Автореф. дис. Томск, 1991; Slobin G. Remizov's Fictions. 1900-1921. De Kalb: Northern Illinois University Press, 1991. P.96-107, 140-146; Безродный М. Об одном приеме художественного имяупотребления: (Nomina sunt odiosa) // В честь 70-летия профессора Ю.М.Лотмана. Тарту, 1992. С.213-217.

² См.: Безродный М. Указ. соч. С.213-214.

³ См.: Анциферов Н.П. «Непостижимый город...»: Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина / Сост. М.Б.Вербловская; Вступ. ст. и примеч. А.М.Конечного и К.А.Кумпан. СПб., 1991. С.302 (примеч.).

⁴ Более подробно см.: Минц З.Г., Безродный М.В., Данилевский А.А. «Петербургский текст» и русский символизм. С.89-91.

⁵ Ср.: «Родился я в сердце Москвы, в Замоскворечье...» (Ремизов А. Подстриженными глазами: Книга узлов и закрут памяти. Париж, 1951. С.6); «Москва моя колыбель. Москва — училище, университет. И от заставы до заставы, нет улицы нехоженной» (Ремизов А. Иверены: Загогулины моей памяти / Ред., послесл. и коммент. О.Раевской-Хьюз. Berkeley, 1986. С.224).

⁶ На вечерней заре: Переписка А.Ремизова с С.Ремизовой-Довгелло / Подгот. текста и коммент. А. д'Амелия // Eurora Orientalis. 1987. [Vol.] VI. С.250 (письмо от 5 июня 1904 г.)

⁷ Там же. С.271.

⁸ Ремизов А. Рассказы. СПб., 1910. С.94.

⁹ Там же. С.95.

¹⁰ Там же. С.95.

¹¹ Топоров В.Н. О «Крестовых сестрах» А.М.Ремизова. С.156.

¹² Иванов-Разумник. Две России // Скифы. Пг., 1918. Сб.2. С.213.

¹³ Ср. афористичную формулу А.Ахматовой: «И царицей Авдотьей заклятый, // Достоевский и бесноватый...» (Ахматова А. Стихотворения и поэмы. Л., 1977. С.376).

¹⁴ Ремизов А. Весеннее порошье. СПб., 1915. С.90.

¹⁵ Там же. С.90. Город Кострома как олицетворение России, истинно русской жизни со всеми ее противоречиями, прочно вошел в сознание и творчество Ремизова, особенно после знакомства в 1907 г. с уроженцем Костромы И.А.Рязановским. По рассказам последнего Ремизов написал две повести о русской провинциальной жизни: «Неуемный бубен» (1909) и «Пятая язва» (1912). Как средоточие и воплощение русского национального бытия Кострома поминается и в письме Ремизова И.А.Рязановскому от 3 июля 1912 г.: «Хочу в Костроме воздухом — духом русским подышать» (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 31). Аналогичное восприятие Костромы находим в письме Ремизова А. Блоку от 12 августа 1912 г.: «Насмотрелся я старины, надыхался русскою речью <...>» (см.: Переписка с А.М.Ремизовым. (1905-1920) / Вступ. ст. З.Г.Минц; Публ. и коммент. А.П.Юловой // Литературное наследство. М., 1981. Т.92. Кн.2. С.110).

¹⁶ Там же. С.91.

¹⁷ Достоевский Ф. Собр. соч. В 15 т. Л., 1990. Т.8. С.270. Ср. также: «Петербург видом своим, столь непохожим на Москву, поразил Тихона <...> все было плоско, пошло, буднично и в то же время похоже на сон. Порою, в пасмурные утра, в дымке грязно-желтого тумана, чудилось ему, что весь этот город подымется вместе с туманом и разлетится как сон» (Мережковский Д. Собр. соч. В 4 т. М., 1990. Т.2. С.379). Мережковский, конечно же, цитирует Достоевского. В этой связи Ремизов заметил: «В те времена "мракобесия" (1905-1907 г. — С.Д.) — корифеем был Мережковский, облепленный сверху донизу Достоевским, — выражались туманно» (Пляшущий демон // Ремизов А. Огонь вещей / Сост., вступ. ст. и коммент. В.А.Чалмаева. М., 1989. С.254).

¹⁸ Ремизов А. Весеннее порошье. С.91.

¹⁹ Там же. С.91.

²⁰ Ремизов А. Крестовые сестры. М., 1989. С.38.

²¹ См.: Анциферов Н.П. Душа Петербурга // Анциферов Н.П. «Непостижимый город...». С.49-52; Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого: К проблеме средневековой традиции в культуре барокко // Художественный язык средневековья: [Сб. статей]. М., 1982. С.239-242.

²² Ремизов А. Весеннее порошье. С.94.

²³ Там же. С.94-95. В письме от 19 марта 1912 г. Ремизов приглашал Блока с женой идти «к двенадцати евангелиям» в Смольный монастырь, т.е. ко всенощной в Великий четверг, и заключал письмо следующим: «Со свечками пойдем с горящими. До Хренова дома донести можно» (Литературное наследство. Т.92. Кн.2. С.100). Ремизов, прекрасно знавший и любивший обрядовую сторону православия, наверняка бывал и в Казанском соборе.

²⁴ Ремизов А. Огненная Россия. Ревель. 1921. С.27.

²⁵ В воспоминаниях Ремизова есть рассказ о том, как в детские годы он видел Иоанна Кронштадтского в Москве, во время молебна, а тот его «не благословил» (Ремизов А. Подстриженными глазами. С.182-187). Для Ремизова о. Иоанн Кронштадтский «был несомненный Аввакум “огненный пророк!”» (Там же. С.185).

²⁶ Ремизов А. Среди мурья: Рассказы. М., 1917. С.104.

²⁷ Ремизов А. На красном поле // Аргус. 1917. № 7. С.75. Переименование Петербурга в Петроград нередко приводило к кардинальным идеологическим трансформациям в сознании современников. В качестве примера отметим резкий сдвиг во взглядах З.Гиппиус. Еще в 1909 г. она писала в стихотворении «Петербург»:

Нет! Ты утонешь в тине черной,
Проклятый город, Божий враг!
И червь болотный, червь упорный
Изъест твой каменный костяк!

А 14 декабря 1914 г., в стихотворении «Петроград», она дает совершенно иную интерпретацию и образа Петра, и его творения:

На помощь, Медный вождь, скорей, скорей!
Встанет он, все тот же бледный, юный,
Все тот же — в ризе девственных ночей,
Во влажном визге ветренных раздолий
И в белоперистости вешних пург, —
Созданье революционной воли —
Прекрасно-страшный Петербург!

²⁸ Ремизов А. Среди мурья. С.105.

²⁹ Там же. С.105.

³⁰ См.: Ремизов А. Шумы города. Ревель, 1921. С.15-16 (рассказ «Рука Крестителя» вошел также в книгу «Взвихренная Русь»). Мотив сакральности Петербурга есть и в рассказе «Рождество» (1919), в котором эпизод рождения ребенка в Петербурге спроецирован на евангельское событие: «И когда в сочельник за толстым слоем ваточных отепельных облаков зажглась звезда и в боковой комнатке раздался писк новорожденного, Агафья склонилась перед младенцем, как волхвы, как пастухи, как вол и конь, и из ее вспугнутых глаз полились слезы, что опять — на земле опять родился Спаситель мира» (Там же. С.36). Оба эти рассказа входят в число так называемых «современных апокрифов» Ремизова (см. об этом: Доценко С.Н. Современный апокриф А.Ремизова // Ученые записки Тарт. гос. ун-та. 1991. Вып. 881. С.82-91).

³¹ Ремизов А. Взвихренная Русь. М., 1991. С.242.

³² Ремизов А. Иверень: Загогулины моей памяти. С.221.

³³ Ремизов А. Взвихренная Русь. С.319.

³⁴ Там же. С.222. Звон московских колоколов для Ремизова — мотив автобиографический: «Родился я в сердце Москвы, в Замоскворечье у Каменного “Каинова” моста <...> красный звон Ивановской колокольни — первый оклик, на который я встрепенулся. <...> И я знаю, этот звон — с него начинается моя странная странническая жизнь — я унесу с собой» (Ремизов А. Подстриженными глазами. С.6-7); «<...> Год засыпал я и пробуждался под Кремлевский красный звон, этот первый звон, неизгладимо оставшийся

в моей памяти своим особенным ладом, и откуда, должно быть, идет все мое различие подлинно русского от подделки!» (Там же. С.50). Эпитет «красный» применительно к звону кремлевских колоколов объясняется синестетическим восприятием Ремизова: «Я различал колокола московских монастырей не только по звуку, а каждый колокол окрашивался для меня своим цветом...» (Там же. С.50).

³⁵ Ремизов М. Подорожие. СПб., 1913. С.88-89.

³⁶ РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л.4.

³⁷ Там же. Л. 5-6.

³⁸ Там же. Л.5.

³⁹ См.: Данилевский А.А. Функция автобиографизма в III-ей редакции романа А.М.Ремизова «Пруд». С.140-144; Он же. О дореволюционных «романах» А.М.Ремизова // Ремизов А. Избранное / Сост., примеч. и послес. А.А.Данилевского. Л., 1991. С.598-600. В целом интересные и убедительные наблюдения исследователя, основанные на сопоставлении образов Арсения Огорельшева из «Пруда» Ремизова и Петра I из романа Мережковского «Петр и Алексей», не позволяют однозначно видеть в Огорельшеве носителя «антихристового» начала либо буквально Антихриста. Оставляя на будущее специальное рассмотрение этого вопроса, заметим, что позиция Ремизова относительно концепции Мережковского имеет скорее характер полемики (зачастую — имплицитной), нежели согласия.

⁴⁰ Ремизов А. Взвихренная Русь. С.507. С середины XIX в. (особенно — после Достоевского) мотив петербургского тумана становится ключевым элементом петербургского мифа, превратившись из метеорологической приметы в устойчивую идеологему (см.: Минц З.Г., Лотман Ю.М. Образы природных стихий в русской литературе: (Пушкин — Достоевский — Блок) // Ученые записки Тарт. гос. ун-та. 1983. Вып. 620. С.39). Ср. полемическую реплику Ремизова по поводу «туманного» Петербурга: «Вот говорят, Петербург гнилой и туманный, нет, в Петербурге бывают дни ослепительные» (Ремизов А. Взвихренная Русь. С.360).

⁴¹ Ремизов А. Взвихренная Русь. С.514.

⁴² Ср. ставшее общим местом представление о том, что реформирование России Петром осуществлялось путем насилия, опирающегося на деспотию: «Великий, говорят, великий государь! А в чем его величество? Тиранским обычаем царствует. Топором да кнутом просвещает» (Мережковский Д. Собр. соч. Т.2. С.480).

⁴³ Об автобиографичности образа Маракулина см.: Данилевский А.А. A realioribus ad realia // Ученые записки Тарт. гос. ун-та. 1987. Вып. 781. С.100-103.

⁴⁴ Ремизов А. Взвихренная Русь. С.319, 323. На то, что Медный всадник у Ремизова в «Слове о погибели русской земли» ассоциируется не только с новой «петербургской» Россией, но и старой, «московской», указала американская исследовательница Г.Слобин (Slobin G. Remizov's Fictions. 1900-1921. P.143).

⁴⁵ Ремизов А. Взвихренная Русь. С.337.

⁴⁶ Из отзыва А.Ремизова на трагедию Н.Г.Виноградова «Царь Петр Великий» (РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л.1; цит. по: Парнис А.Е. Пометы Блока на пьесе Н.Г.Виноградова «Царь Петр Великий» // Литературное наследство. Т.92. Кн.4. С.669).